

обеспечить ее перевод на французский язык. Французские историки узнали бы из нее много для себя нового. Появление этой книги показало бы приоритет советской исторической науки в изучении ряда важных проблем истории Франции и ее социальной мысли»³⁰¹.

Его краткую оценку как маститого историка в разговоре с автором этих строк в 1975 г. в Эрмитаже дал академик Б.Б. Пиотровский: «Абгар Рубенович – украшение нашей [советской] Академии». И, без всякого сомнения, его имя именно таковым и останется в памяти будущих поколений историков.

ГЛАВА V

М.Г. НЕРСИСЯН: ШТРИХИ К ПОРТРЕТУ*

Развитие исторической науки в XX столетии в Армении было неразрывно связано с именем выдающегося отечественного историка и крупного организатора науки, академика НАН Армении Мкртыча Гегамовича Нерсисяна (1910-1999), внесшего неоценимый вклад в исследование Новой истории армянского народа и в организацию комплексных исследований в области востоковедения. Он не только написал капитальные исследования по истории армянского революционного и освободительного движения в XIX столетии³⁰², русско-армянских отношений XVIII-XIX веков³⁰³ и геноцида армян в Османской империи, поистине обогатившие армянскую и советскую историческую науку, но одновременно значительную часть своих сил посвятил научно-организационной работе. Благодаря его усердию и настойчивости изучение истории армянского народа, как и истории восточных стран было организовано на совершенно новых началах.

С трудом преодолевая многочисленные препятствия, обусловленные жесткими условиями времени, не очень благоприятными для исследования, в частности, тем, находившихся в центре его непосредственных научных интересов, в годы культа личности и позднее, он создал основополагающие исследования по ключевым вопросам Новой истории армянского народа, первым начав

* Написано в 2009 г. Публикуется впервые.

³⁰² М.Г. Нерсисян. Народнические организации в Закавказье. Ереван. 1940 (на армянском яз.); *его же*: Освободительная борьба армянского народа против турецкого деспотизма. 1850-1870 гг. Ереван. 1955 (на армянском яз.). См. также второе, дополненное издание: Освободительная борьба армянского народа против турецкого деспотизма. 1850-1890 гг. Ереван. 2002 (на армянском яз.).

³⁰³ М.Г. Нерсисян. Из истории русско-армянских отношений. В 2-х книгах. Кн. 1-2. Ереван. 1956, 1961; *его же*: Декабристы в Армении. Ереван. 1958 (на армянском яз.); *его же*: Отечественная война 1812 года и народы Кавказа. Ереван. 1965; *его же*: А.В. Суворов и русско-армянские отношения в 1770-1780-х годах. Ереван. 1981; *его же*: Декабристы об Армении и Закавказье. (Сборник документов и материалов). Ч. I. Ереван. 1985.

³⁰¹ См. отзыв В.М. Далина в кн.: А.Р. Иоаннисян. Указ. соч. С. 171.

изучение истории освободительного движения западных армян в 1850-1870-х гг. Бессспорно, весьма смелым по тем временам поступком было систематическое исследование истории геноцида армян. Первые шаги в этом важном направлении М.Г. Нерсисян предпринял еще в послевоенный период³⁰⁴, когда дуновение политического ветра предоставило такую возможность, однако, из-за крутых перемен на международной арене, повлиявших на советско-турецкие отношения³⁰⁵, результаты своих исследований он смог представить научной общественности лишь в середине 1960-х годов. Тщательные поиски в советских архивах в 1940-1950-е гг. позволили ему впервые в советской историографии опубликовать в 1966 г. ценный сборник документов и материалов, освещавший процесс уничтожения армянского народа османскими центральными властями на уровне государственной политики за период 1894-1918 гг.³⁰⁶. По богатству и разнообразию опубликованных материалов, сборник этот по сей день занимает достойное место среди многочисленных зарубежных публикаций по истории геноцида армян, включающих документы из архивов различных европейских стран и США и восполняет одно из белых пятен в историографии этой темы, поскольку в нем впервые введены в научный оборот недоступные доселе зарубежным исследователям документы из Архива внешней политики Российской империи. Тем самым, М.Г. Нерсисян заложил в Арме-

³⁰⁴ См. об этом: **В.А. Погосян.** К предыстории издания сборника документов «Геноцид армян в Османской империи». (К 100-летию со дня рождения академика М.Г. Нерсисяна) // ИФЖ. 2010. № 1. С. 234-244 (на армянском и русском яз.).

³⁰⁵ См. об этом: **Z. Messerlian.** The Question of Kars and Ardahan // Armenian Studies. Annals of the Lebanese Association of Armenian University Graduates. Beyrouth. 1973. P. 85-94; **Y. Terteron.** La cause arménienne. Paris. 1983. P. 140-145 ; Геноцид армян: ответственность Турции и обязательства мирового сообщества. Документы и комментарий. Составитель, ответственный редактор, автор предисловия и комментария доктор юридических наук, профессор Ю.Г. Барсегов. Т. 2. Ч. 2. М. 2005. С. 514-518; **Г. Казарян.** Московский и Карсский договоры 1921 г. и их трагическая роль в судьбе армянского народа. Ереван. 2010. С. 407-428 (на армянском яз.).

³⁰⁶ Геноцид армян в Османской империи. Сборник документов и материалов. Составители М.Г. Нерсисян, Р.Г. Саакян. Под редакцией проф. М.Г. Нерсисяна. Ереван. 1966. См. также второе, дополненное издание: Ереван. 1982.

нии основы для дальнейших научных исследований истории геноцида армян.

О М.Г. Нерсисяне как об историке и общественном деятеле написано немало. Сегодня мы располагаем внушительной литературой, посвященной его жизни и научной деятельности³⁰⁷. Поэтому, имеет смысл сконцентрировать внимание, главным образом, на его портрете как историка-исследователя, организатора науки и гражданина, тем более, что автору этих строк довелось долгие годы работать под его руководством в Институте истории АН АрмССР, исследуя историю геноцида армян.

* * *

Бросая по прошествии лет ретроспективный взгляд на М.Г. Нерсисяна — историка, хотелось бы в первую очередь подчеркнуть его чувство высокой ответственности перед наукой. Как и подавляющее большинство представителей своего поколения, он воплощал образ историка-профессионала, изучая две большие темы, а именно: историю русско-армянских отношений и армянского освободительного движения, тесно связанного с историей геноцида армян в Османской империи. Еще со студенческих лет он воспитывал меня в том же духе, подчеркивая, что для историка предпочтительнее изучать две большие темы, а не ограничиваться исследованием только одной.

Ему были присущи тщательное исследование первоисточников и исторической литературы, комплексный подход к изучаемой теме, с широким охватом многочисленных косвенных проблем. По специфике исследуемых научных тем он долгие годы проводил кропотливые изыскания в различных российских центральных и региональных, а также армянских архивах, извлеченные из которых богатейшие документы легли в основу его научных трудов. Сегодня даже беглое знакомство с источниковой базой монографий М.Г. Нерсисяна поражает обилием и многообразием использованных первоисточников, в особенности, архивных, впервые введенных в научный оборот.

Высокая требовательность М.Г. Нерсисяна к себе и тем,

³⁰⁷ См.: Литература о трудах академика Мкртыча Нерсисяна // Академик Мкртыч Нерсисян. Ереван. 2004. С. 85-108 (на армянском яз.).

которые находились в его непосредственном окружении (в том числе, к представителям молодого поколения исследователей), снискали ему почетную, на наш взгляд, репутацию максималиста. Это обстоятельство было обусловлено не только присущими его характеру своеобразными чертами, и в первую очередь, злободневностью и неуступчивостью, но и стилю научной работы. Его никогда не удовлетворяли средние результаты. Он не придавал особого значения тем научным трудам, авторы которых не полностью использовали доступные первоисточники, в частности, архивные.

В М.Г. Нерсисяне гармонично сочетались трудолюбие и исключительный педантизм, что в корне исключало поспешность и поверхностность в его работах, в принципе, не совместимых с «почерком» подлинного историка. В его рабочей «лаборатории» особое место занимала самая тщательная и длительная работа с первоисточниками. М.Г. Нерсисян неоднократно с большой досадой и душевной болью говорил о том, что годы его учебы и молодости не были благоприятными для основательного изучения иностранных языков. О том же не раз мне рассказывали многие советские историки разных национальностей – представители его поколения. Академик АН АрмССР А.Т. Ганаланян, к примеру, говорил, как в годы культа личности в ЕГУ было бесцеремонно запрещено преподавание французского как буржуазного языка, немецкого – как фашистского, грабара (древнеармянского) – как феодального. Тем не менее, М.Г. Нерсисян никогда не обходил первоисточники на иностранных языках, прибегая, при необходимости, к помощи своих сотрудников. Только окончательно убедившись в достоверности и подлинности первоисточников, он ссылался на них или же принимал решение об их публикации в сборниках документов, выходивших под его редакцией.

Коллег и учеников М.Г. Нерсисяна изумляли его исключительное трудолюбие и работоспособность, которые, как это ни парадоксально, ничуть не ослабевали, как и у В.М. Далина, даже в последние годы его жизни. Несмотря на преклонный возраст, он регулярно ездил в научные командировки в Москву. В 1982–1984 гг., после отдыха в Кисловодске, где он часто проводил свой

отпуск, М.Г. Нерсисян приезжал на месяц в Москву для работы в центральных библиотеках. Я его встречал на Курском вокзале и сопровождал в гостиницу АН СССР. Уже на следующий день после приезда можно было увидеть его в «ленинке». Вне зависимости от прихотей московской погоды, он ежедневно посещал библиотеку, где часами сидел, склонившись за одним из письменных столов читального зала № 1.

Как в научных, так и в жизненных вопросах, М.Г. Нерсисян был принципиальным и бескомпромиссным. Исходя из своих научных убеждений, которые были обусловлены исключительно необходимостью беспристрастной интерпретации исторического прошлого, на научных заседаниях и на собраниях коллектива Института истории он вел, ради интересов исторической науки, решительную борьбу за вынесение объективных решений. Выступая с пламенными речами и считая своим научным и чисто человеческим долгом высказывать свои, кстати, весьма уместные замечания и соображения по обсуждавшимся дискуссионным вопросам, он во многом помогал присутствовавшим в правильной ориентации для принятия оптимального решения подчас самых сложных научных проблем.

Считаю необходимым разъяснить одно обстоятельство. Те, кому суждено было работать с ним годами бок о бок, могут констатировать одну непреложную истину, о чем, к сожалению, знали немногие: без всякого сомнения, ему были присущи скромность и уважительное отношение к мнению других историков, в том числе молодых исследователей. В 1988 г., когда мы беседовали о необходимости координации работ в области комплексного изучения истории Армянского вопроса на новых началах, ибо произошедшие во время «перестройки» перемены наконец-то предоставили такую возможность, он высказал о себе такое мнение: «Не могу сказать, что я специалист по истории Армянского вопроса, но этой темой здесь занимался я!» Хотя он и воздержался от комментариев, но я отлично понял, на что намекал собеседник: ведь львиная доля исторической литературы на эту тему написана на ведущих западных языках. Итак, один из именитых специалистов по истории Армянского вопроса себя таковым не считал. При проявлении весьма оправданной

требовательности к себе, не трудно представить, как он мог бы реагировать на появление в Армении за последнее десятилетие после его кончины, многочисленных «специалистов» по истории того же вопроса, значительная часть которых мало того, что зачастую даже не знакома с буквами латинского алфавита, да еще и малейшего представления не имеет о фундаментальных книгах на армянском языке, в том числе переводных. Эти «второстепенные» обстоятельства, однако, ни в коей мере не служат препятствием, чтобы именно они «представляли» армянскую науку на международной арене.

На заседаниях возглавляемого им сектора по истории Армянского вопроса в Институте истории, он всегда считался с мнением присутствовавших, а после завершения обсуждений не раз принимал окончательные решения в свете замечаний и пожеланий своих сотрудников, не полностью соответствовавших его предварительным замыслам. В этой связи уместно упомянуть, что по поводу полемических вопросов его позиция была однозначной. В разговорах со мной ссылаясь на пример академика Я.А. Манандяна, он с удовольствием отмечал: «При выступлениях ни к чему делать категорических заявлений. Надо, чтобы факты свидетельствовали за правоту твоего подхода. Манандян всегда говорил: "Можно предположить..."».

Скромность была одним из тех первоочередных, по его убеждению, достоинств человека, наличие которой М.Г. Нерсисян мгновенно и интуитивно чувствовал у своих коллег и сотрудников, да и у всех тех, с которыми ему приходилось иметь хотя бы короткое общение. По поводу заявлений некоторых заносчивых молодых исследователей, воображавших себя зрелыми «учеными», он обычно приводил пример академика В.А. Амбарцумяна: «Президент [АН] никогда не говорит о себе как об ученом, взамен при необходимости он подчеркивает, что он только научный сотрудник».

Не будучи по своей натуре, мягко говоря, инертным человеком, он как историк-профессионал, исходя из чувства высокой ответственности перед исторической наукой, вел решительную и бескомпромиссную борьбу, зачастую даже гневно, против проявлений дилетантизма в науке, не щадя своих нервов, несмотря на проблемы со здоровьем из-за сердечно-сосудистого заболевания,

которым страдал. Он ратовал за необходимость проявления подлинно научного подхода в интерпретации исторических событий, что, естественно, было не по плечу появившимся в изобилии, в частности, после «перестройки» многочисленных дилетантов, не имевших даже исторического образования и малейшего реального представления о пройденном пути армянского народа.

Имея на это все основания, М.Г. Нерсисян утверждал, что в области исторической науки право на окончательное слово принадлежит только историку, имеющему специальную подготовку в соответствующей сфере исторического познания. Раздражавшее его безответственное отношение к исторической науке со стороны некоторых филологов, писателей, публицистов и политических деятелей он расценивал не только как антинаучное, но и ущербное, что было чревато печальной перспективой дезориентации собственного народа. В то же время он с грустью говорил о том, что подобные выходки не находили достойного отпора со стороны многочисленных отечественных историков.

Однако М.Г. Нерсисян не хранил молчания и в тех случаях, когда оставался довольным результатами добросовестно проведенных научных исследований, по возможности обращаясь даже к тем авторам, с которыми не был лично знаком, дабы одобрить их научные изыскания. Не имевшие с ним личного общения могут в этом убедиться на примере его письма неизвестному ему И.В. Кузнецovу, книгу которого он, видимо, прочел на Северном Кавказе. «Пишу Вам, прочитав Вашу ценную и весьма интересную книгу "На холмах горячих"³⁰⁸. Меня заинтересовали, в частности, страницы, посвященные А.В. Суворову, поскольку о жизни и деятельности великого полководца на Кавказе, о его взаимоотношениях с армянским народом кое-что написал и я»³⁰⁹. Обратим внимание: эти слова принадлежат крупному историку – автору посвященной А.В. Суворову солидной и содержательной монографии³¹⁰.

³⁰⁸ **И.В. Кузнецов.** На холмах горячих. Историческое повествование о городе Пятигорске. Ставрополь. 1980.

³⁰⁹ Письмо М.Г. Нерсисяна И.В. Кузнецову от 28 октября 1981 г. // НАА. Ф. 818 (М.Г. Нерсисяна). Оп. 1. Д. 425. Л. 26.

³¹⁰ **М.Г. Нерсисян.** А.В. Суворов и русско-армянские отношения в 1770-1780-х годах.

Аналогичным образом М.Г. Нерсисян себя проявлял и в связи с публикацией в журнале «Новое время» рецензии на одно из турецких изданий³¹¹, полностью фальсифицировавшее историю геноцида армян в Османской империи³¹². Он незамедлительно письменно обратился к главному редактору журнала М.А. Федорову и выразил свою признательность за публикацию этого материала. «Публикация в Вашем журнале заметки «Похитители памяти» (см. № 49 с. г.), — писал он, — является нужным и своевременным ответом на грубую фальсификацию исторических фактов турецкими реакционными кругами... Наглым и бесстыдным фальсификаторам истории, разумеется, надо дать надлежащий отпор. Мы весьма благодарны Вам, что это сделано в Вашем авторитетном журнале»³¹³. В ответном письме М.А. Федоров, поблагодарив М.Г. Нерсисяна за внимание к журналу, в частности, писал: «Мы признательны Вам за высокую оценку статьи «Похитители памяти», опубликованной в № 49 «Нового времени». Мы также считаем этот материал важным и своевременным. В редакцию поступают письма, которые свидетельствуют о том, что эта публикация нашла горячий отклик у наших читателей»³¹⁴.

Не менее принципиально М.Г. Нерсисян себя проявил при разоблачении попыток фальсификации истории армянского народа турецкими историками и преданными им зарубежными авторами. Чтобы не распространяться на этот счет, ограничимся ссылкой на сборник, включающий основные его статьи на эту тему³¹⁵, тем более, что их анализ в нашу задачу не входит. Однако считаем необходимым остановиться на одном из эпизодов его

³¹¹ Г.А. Арутюнов, Г.Л. Епископосов. Похитители памяти // «Новое время». 1981. № 49. С. 22-23.

³¹² Facts from the Turkish Armenians. Istanbul. 1980. В этой книге тот же текст опубликован на английском, французском и турецком языках, что вполне соответствует избранной турецкими историками тактике, с целью введения в заблуждение мирового общественного мнения.

³¹³ Письмо М.Г. Нерсисяна М.А. Федорову от 12 декабря 1981 г. // НАА. Ф. 818. Оп. 1. Д. 435. Л. 57.

³¹⁴ Письмо М.А. Федорова М.Г. Нерсисяну от 25 декабря 1981 г. // Там же. Л. 55.

³¹⁵ М.Г. Нерсисян. Фальсификаторы истории. Ереван. 1998 (на армянском яз.).

жизни середины 1960-х годов, свидетельствующем о его личном мужестве. В 1965 г. один из корреспондентов еженедельника «За рубежом» Г. Ариевич, вступив в развернувшуюся за пределами СССР полемику по поводу поведения кемалистов в 1922 г. в Измире (Смирне), опубликовал постыдную статью. Не разобравшись в том, что там происходило, а может быть сознательно — дабы угодить туркам, автор публикации настаивал на том, что в сентябре 1922 г. город якобы был сожжен не турками, а интервентами, имея в виду англичан и греков, а что намного порицательнее, категорически отрицал массовое истребление проживавших там армян и греков полчищами Мустафы Кемаля³¹⁶.

31 мая 1965 г. М.Г. Нерсисян обратился в редакцию еженедельника, подняв голос протesta в связи с публикацией этой антинаучной статьи, исказившей исторические факты, одновременно приложив к своему протесту, к которому присоединился и президент АН АрмССР академик В.А. Амбарцумян³¹⁷, перевод на русский брошюры Рене Плю, одного из французских очевидцев учиненных кемалистами погромов проживавших в Измире христиан³¹⁸. Вскоре ответственный секретарь еженедельника К. Беляев сообщил ему об обсуждении его письма на заседании редколлегии и принятом постановлении о наказании виновных³¹⁹. Не каждый мог бы себе позволить в те годы обратиться во всесоюзные инстанции с аналогичным протестом.

Отметим, что М.Г. Нерсисяну искреннюю радость доставляли публиковавшиеся изредка во всесоюзных изданиях статьи о геноциде армян. Суть вопроса такова: из-за непризнания советским правительством на государственном уровне геноцида армян, в сложившихся в СССР неблагоприятных для изучения истории этой трагедии условиях³²⁰, публикация статей на эту

³¹⁶ Г. Ариевич. Последователи Медиуса // За рубежом. 23-29 апреля 1965 г. № 17. С. 18.

³¹⁷ Письмо М.Г. Нерсисяна в редакционную коллегию еженедельника «За рубежом» от 31 мая 1965 г. // НАА. Ф. 818. Оп. 1. Д. 36. Л. 10. См. также: М. Нерсисян. Неопровергимые документы о геноциде армян. Ереван. 2005. С. 273-274 (на армянском и русском языках).

³¹⁸ R. Puaux. La mort de Smyrne. Paris. 1922.

³¹⁹ Письмо К. Беляева М.Г. Нерсисяну от 17 июня 1965 г. // НАА. Ф. 818. Оп. 1. Д. 36. Л. 12. См. также: М. Нерсисян. Указ. соч. С. 275.

³²⁰ Геноцид армян был признан Государственной Думой Российской

тему не только во всесоюзных, но даже в армянских научных изданиях была связана с преодолением неимоверных препон³²¹. Академик В.Г. Трухановский в июне 1991 г. рассказывал мне, как ему удалось в его бытность главным редактором журнала «Вопросы истории» опубликовать в середине 1980-х годов статью о геноциде армян, обойдя негативную позицию членов редколлегии, единодушно высказавшихся против публикации в журнале такого материала. Он разъяснил, что принял такое решение исходя из своего глубокого уважения к армянскому народу и воспользовавшись своим, как главного редактора, на это правом, предоставившим ему возможность миновать мнение редколлегии. Примечательно, что в заглавии статьи обойдено слово «геноцид»³²².

М.Г. Нерсисяна отличало от многих его армянских коллег еще одно существенное обстоятельство: сконцентрировав научные интересы главным образом на исследовании Новой истории армянского народа, он, тем не менее, не считал правомерным крайнюю ограниченность в науке, присущую подавляющему большинству историков армянского происхождения, прилагавших свои силы только на плоскости изучения истории армянского народа. Он категорически отрицал проявления ограниченности в науке, что, к слову сказать, многие в Армении считают залогом, если не «доказательством» патриотизма! Учитывая предъявляемые исторической наукой к исследователям повелительные требования, М.Г. Нерсисян полагал, что ценные научные труды по истории армянского народа, которым было бы суждено долгое существование, могут создать только те, кто в курсе перемен, происходивших как на российской, так и на международной арене.

М.Г. Нерсисян был одним из редких армянских историков, кто пересекая все «рубконы», неоднократно выходил на более широкие исторические просторы и создал ценные исследования

Федерации 14 апреля 1995 г.

³²¹ К слову сказать, впервые во всесоюзной прессе о геноциде армян упомянул М.Г. Нерсисян: **М. Нерсисян, Н. Ушаков**. Геноцид — тягчайшее преступление перед человечеством // Правда. 25 апреля 1965.

³²² **Дж.С. Киракосян, А.М. Мигранян, А.Дж. Киракосян**. Трагедия армян в Османской империи в 1915-1916 гг. в освещении буржуазной историографии // ВИ. 1986. № 5. С. 147-154.

по истории движения декабристов, Отечественной войны 1812 г., представляющие большой интерес. Его вклад в изучение истории народов СССР был высоко оценен многими советскими историками.

Начиная с 1950-х годов М.Г. Нерсисян приступил к глубокому изучению деятельности декабристов, сосланных на Кавказ. После долгих лет изысканий в российских архивах он опубликовал в 1957 г. обстоятельную монографию о декабристах в Армении, переведенную в связи с 150-летием восстания декабристов на русский язык³²³. Книга эта была высоко оценена виднейшими советскими специалистами по истории декабризма, и в их числе академиком М.В. Нечкиной. Сразу же после ее прочтения она высказала свое авторитетное мнение в личном письме от 19 февраля 1976 г., адресованном М.Г. Нерсисяну: «Сердечно благодарю Вас за замечательный подарок — Вашу прекрасную книгу "Декабристы в Армении", столь всесторонне освещающую вопрос. Нужда в этой книге была очень велика. Поздравляю Вас с ее выходом!»³²⁴ В связи с этой книгой примечателен и отклик другого видного специалиста по истории декабризма, профессора МГУ В.А. Федорова³²⁵, написавшего ему: «Мне понравилась новизна сюжета, богатство конкретного материала, ценные выводы и наблюдения. Декабристоведению как раз не хватает таких региональных исследований. Работы, подобные Вашей, расширяют наши представления о декабризме и декабристах, подчеркивают не только русское, но и общероссийское значение дела декабристов»³²⁶.

В результате тщательной обработки архивных документов, М.Г. Нерсисян обнаружил интересные данные о деятельности декабристов, сосланных не только в Армению, но и на Кавказ. Принимая приглашение академика-секретаря АН СССР Б.А. Рыбакова на участие в созывавшейся в декабре 1975 г. в Москве

³²³ **М.Г. Нерсисян**. Декабристы в Армении. Ереван. 1975.

³²⁴ НАА. Ф. 818. Оп. 1. Д. 434. Л. 41.

³²⁵ **В.А. Федоров**. Солдатское движение в годы декабристов. 1816-1825 гг. М. 1963; его же: «Своей судьбой гордимся мы...»: следствие и суд над декабристами. М. 1988.

³²⁶ Письмо В.А. Федорова М.Г. Нерсисяну от 25 февраля 1976 г. // НАА. Ф. 818. Оп. 1. Д. 435. Л. 36.

конференции в связи с 150-летием восстания декабристов³²⁷, он писал М.В. Нечкиной: «Для юбилейной конференции, посвященной 150-летию со дня восстания декабристов, я согласился готовить доклад на тему: "Рядовые участники восстания декабристов на Кавказе". В процессе работы выяснилось, что она (тема) слишком большая для 30-и минутного доклада. Поэтому предлагаю более конкретную (вероятно, и более интересную) тему для сообщения – "Новые документы о солдатах Черниговского полка". Высылая тезисы этого сообщения, прошу уведомить меня о Вашем решении»³²⁸. По свидетельству ныне покойной А.М. Арутюнян, участницы этой конференции, его доклад произвел самое положительное впечатление на М.В. Нечкину, обратившуюся к ней с просьбой пригласить к ней М.Г. Нерсисяна для подробной беседы о затронутых им вопросах. Однако среди многочисленных участников конференции А.М. Арутюнян, к сожалению, не смогла найти его.

Помимо истории движения декабристов, М.Г. Нерсисян разрабатывал и некоторые проблемы истории Отечественной войны 1812 г. Плодом его многолетней работы в самых различных всесоюзных и республиканских архивах явилась монография об участии народов Кавказа в войне 1812 г.³²⁹, явившаяся первым исследованием на эту тему и удостоившаяся высокой оценки советских историков. Даже десятилетия спустя В.А. Дунаевский и Б.С. Абалихин характеризовали эту книгу как не только наиболее крупную из работ, посвященных воздействию событий Отечественной войны на народы Кавказа, но и остающуюся «самым фундаментальным исследованием в этой области»³³⁰. Высказывая аналогичное мнение, О.В. Орлик, учитывая извле-

³²⁷ Письмо Б.А. Рыбакова М.Г. Нерсисяну от 3 марта 1975 г. // Там же. Д. 438. Л. 74.

³²⁸ Письмо М.Г. Нерсисяна М.В. Нечкиной от 15 августа 1976 г. // Там же. Д. 416. Л. 23. Основные положения этого доклада легли в основу одной из его статей: **М.Г. Нерсисян**. Новые данные о декабристах, посланных на Кавказ // ИФЖ. 1975. № 4. С. 39-44.

³²⁹ **М.Г. Нерсисян**. Отечественная война 1812 года и народы Кавказа. Ереван. 1965.

³³⁰ **В.А. Дунаевский, Б.С. Абалихин**. 1812 год на перекрестках мнений советских историков 1917-1987. М. 1990. С. 219.

ченный М.Г. Нерсисяном из различных советских архивов богатый фактический материал, подчеркнула его заслугу в предоставлении специалистам возможности «разработать более широкий круг проблем, чем те, на которых останавливается автор, сделать более широкие выводы»³³¹. В связи с этой книгой небезынтересно также отметить, что один из руководителей Краснодарской писательской организации И.Г. Федоренко обратил внимание и на ее познавательное значение: «Вашу книгу "Отечественная война 1812 года и народы Кавказа" я не перестаю ставить в пример местным историкам, изготовил на эрэ 20 экз. и разослав во все "горячие очаги", т. е. те организации и учреждения, где занимаются вопросом истории Кавказа. Дал несколько отзывов и рецензий в печати, на радио и тв.»³³².

Публикация этой монографии по праву снискала М.Г. Нерсисяну репутацию одного из самых авторитетных специалистов по истории Отечественной войны 1812 г. К нему за советами обращались даже не имевшие личного общения с ним советские специалисты по этой теме. К примеру, в 1971 г. Б.С. Абалихин³³³, столкнувшись с определенными затруднениями в уточнении темы докторской диссертации, попросил его помочь ему в формулировке заглавия и высказать свои соображения о ее диссертабельности. «Тему я сформулировал, примерно, так, – писал он, – "Совместная борьба русского и украинского народов против французской агрессии в конце XVIII в. – начале XIX в.". Может быть и такой вариант: "Украина в период борьбы России с наполеоновской Францией (конец XVIII в. – 1815 г.)". Диссертабельна ли тема? Мне очень бы хотелось узнать Ваше мнение»³³⁴.

³³¹ См. рец. О.В. Орлик на эту книгу в журнале «История СССР» (1967. № 2. С. 129).

³³² Письмо И.Г. Федоренко М.Г. Нерсисяну от 13 августа 1983 г. // НАА. Ф. 818. Оп. 1. Д. 435. Л. 59.

³³³ Б.С. Абалихин, с которым во второй половине 1980-х годов я неоднократно общался в Российской государственной библиотеке, был крупным специалистом по истории Отечественной войны 1812 г., обаятельный человек, интересным собеседником и мудрым наставником в жизненных вопросах.

³³⁴ Письмо Б.С. Абалихина М.Г. Нерсисяну от 19 октября 1971 г. // Там же. Д. 433. Л. 26.

М.Г. Нерсисян, обладавший даром мгновенной правильной ориентации на самых запутанных как в научных так и в жизненных перекрестках, в ответном письме подсказал ему другое, более емкое и уместное заглавие: «Военное сотрудничество русского и украинского народов в конце XVIII – в начале XIX вв.». «В этом случае, – разъяснял он, – у Вас будет возможность свою тему изложить на более широком фоне и на основе богатого фактического материала, так как Вы должны останавливаться не только на русско-французских, но и на русско-турецких войнах»³³⁵.

Ознакомившись с его мнением, Б.С. Абалихин сразу же выразил свою благодарность: «Ваше письмо пришло как нельзя кстати и имело для меня важное значение: как раз на кафедре обсуждалась тема моей докторской диссертации, и я познакомил сотрудников с Вашим мнением. Тему утвердили в такой редакции: "Совместная борьба русского и украинского народов в конце XVIII – в начале XIX вв."»³³⁶.

Однако, Б.С. Абалихин, учитывая огромный научный потенциал М.Г. Нерсисяна в этой области, обратился к нему с ответственным предложением, касающимся подготовки под его редакцией сборника статей «Народы России в Отечественной войне 1812 г.». «Если Вы, многоуважаемый Мкртыч Гегамович, – писал он в письме от 19 октября 1971 г., – возглавите это благородное дело, оно увенчается успехом и советская историческая наука пополнится ценным трудом»³³⁷. К слову сказать, М.Г. Нерсисян признавался в разговорах со мной, что в 1960-х годах имел намерение написать обстоятельную монографию об участии народов России в Отечественной войне 1812 г., однако, обстоятельства не предоставили ему возможность для осуществления этого замысла. Он, видимо, имел в виду исполнение обязанностей ректора ЕГУ, поглотившее большую часть его времени, что не могло, естественно, не отразиться на плодот-

³³⁵ Письмо М.Г. Нерсисяна Б.С. Абалихину от 20 ноября 1971 г. // Там же. Д. 425. Л. 35.

³³⁶ Письмо Б.С. Абалихина М.Г. Нерсисяну от 25 декабря 1971 г. // Там же. Д. 433. Л. 29.

³³⁷ Письмо Б.С. Абалихина М.Г. Нерсисяну от 19 октября 1971 г. // Там же. Л. 28.

ворности его деятельности на научном поприще.

Тем не менее, М.Г. Нерсисян откликнулся на предложение Б.С. Абалихина положительно, выражая свою готовность принять участие в подготовке такого сборника статей, «если найдутся, – как он отмечал, – и другие соответствующие авторы»³³⁸. Нам не известны подробности о дальнейшем развитии событий (проливающих на этот вопрос свет документов в архиве М.Г. Нерсисяна нам обнаружить не удалось), однако, участия в подготовке подобного издания он не принимал.

Попутно отметим также, что к М.Г. Нерсисяну за советом обращались и его зарубежные коллеги. Когда в 1987 г. в Калифорнийском университете Лос Анжелоса обсуждался вопрос о назначении заведующего на пост вновь открывшейся там кафедры по Новой истории Армении, профессор Д. Гоу, один из руководителей этой организации, попросил у него высказать мнение о самом подходящем кандидате среди американских исследователей – специалистов по истории армянского народа³³⁹. М.Г. Нерсисян, не колеблясь, предложил кандидатуру профессора Ричарда Ованисяна, характеризовав его, как «самого квалифицированного исследователя по Новой истории Армении»³⁴⁰.

Для М.Г. Нерсисяна – историка-максималиста, на обширном советском историческом небосклоне были редкие авторитеты, имена которых он упоминал с глубоким уважением, при необходимости с удовольствием ставя их в пример. Среди них я назову имена М.В. Нечкиной, А.З. Манфреда и А.Р. Иоаннисяна (хотя его личные отношения с последним оставляли желать лучшего), творчество которых в той или иной степени соприкасалось с его непосредственными научными интересами.

Долгие годы занимаясь, как отмечалось, историей декабризма, М.Г. Нерсисян неоднократно обращался к книгам М.В. Нечкиной, тщательно изучая, я могу это подтвердить, ее основные интерпретации и выводы. Он ценил Милицу Васильевну за вы-

³³⁸ Письмо М.Г. Нерсисяна Б.С. Абалихину от 20 ноября 1971 г. // Там же. Д. 425. Л. 35.

³³⁹ Письмо Д. Гоу М.Г. Нерсисяну от 2 февраля 1987 г. // Там же. Д. 423. Л. 2.

³⁴⁰ Письмо М.Г. Нерсисяна Д. Гоу от 14 марта 1987 г. // Там же. Л. 3.

дающийся вклад в изучение декабризма, глубочайший профессионализм, преданность исторической науке, исключительное трудолюбие. Об отношении к М.В. Нечкиной свидетельствует хотя бы его поздравительная телеграмма от 24 февраля 1981 г. в связи с ее 80-летием, где отмечалось: «Глубокоуважаемая Милица Васильевна. Разрешите сердечно поздравить Вас [с] восьми-десятилетием со дня рождения и шестидесятилетием славной научной деятельности. Развитие советской исторической науки во многом связано [с] Вашим именем. Как выдающийся ученый и крупнейший историк[-]исследователь[,] Вы на протяжении ряда десятилетий талантливо и [с] редким умением освещаете узловые проблемы отечественной истории. Вы уже давно пользуетесь большим авторитетом и уважением как [в] нашей стране, так и за рубежом. Ваши многочисленные ученики и последователи горды тем, что работали и работают под Вашим руководством. Горячо приветствуя Вас, желаю доброго здоровья, хорошего настроения и новых замечательных творений»³⁴¹.

К слову сказать, М.Г. Нерсисян был инициатором публикации в Армении статей в связи с юбилеями М.В. Нечкиной. В 1976 г. он, ректор ЕГУ, поручил мне, студенту четвертого курса исторического факультета, написать статью к 75-летию со дня ее рождения для университетской газеты³⁴². Сам он откликнулся на 80-летие со дня рождения М.В. Нечкиной в редактируемом им «ИФЖ» АН АрмССР³⁴³.

Однако М.Г. Нерсисян, человек принципиальный, не избегал выразить свое несогласие с некоторыми спорными трактовками М.В. Нечкиной по поводу ряда существенных проблем по истории декабризма. В концептуальном плане он упрекал М.В. Нечкину, в особенности, за переоценку значения деятельности декабристов, считая что она, по всей вероятности, исходя из своей особой симпатии к ним, подчас возвеличивает их больше, чем следовало бы.

³⁴¹ Там же. Д. 416. Л. 36.

³⁴² **В. Погосян.** Гордость советской историографии (к 75-летию академика М.В. Нечкиной) // Ереванский университет. 20 марта 1976 г. (на армянском яз.).

³⁴³ **М.Г. Нерсисян, К.С. Худавердян.** М.В. Нечкина (к 80-летию со дня рождения) // ИФЖ. 1981. № 1. С. 266-270 (на армянском яз.).

Более основательно он подвергал критике ее гипотезу о возможности существования «Кавказского общества» декабристов и отмечал, что по ее стопам того же неверного мнения придерживается один из армянских историков, со своей стороны утверждая о якобы наличии оснований для такого предположения³⁴⁴. Ссылаясь на многочисленные документы царских архивов, отнюдь не свидетельствующих в пользу вероятности этой точки зрения, он решительно настаивал на ее несостоятельности. Далеко не будучи специалистом в этой области, я принимал лишь пассивное участие в беседах, когда он переходил на эти темы. Но если учесть, с какой неподдельной симпатией и искренней любовью он сам относился к декабристам, изучению деятельности которых посвятил лучшие годы своей творческой жизни, при этом, неоднократно восхищенно повторяя фразу: «Дворянин поднимался на виселицу ради идеи», то станет яснее, что не каждый историк мог бы избежать соблазна возвеличивания своих «героев».

В отличие от М.В. Нечкиной, М.Г. Нерсисян никогда не имел личного общения с А.З. Манфредом, однако, будучи хорошо знакомым с его выдающимися трудами, в частности, с биографическими исследованиями о Наполеоне и французских деятелях XVIII столетия³⁴⁵, которые имел в своей личной библиотеке, высказывал самые восторженные оценки об их авторе. Он был поражен обширнейшей эрудицией А.З. Манфреда, его глубоко научными, оригинальными интерпретациями, историческим мышлением, художественной манерой изложения материала. В 1976 г. М.Г. Нерсисян прочел в рукописи мою (тогда еще студента пятого курса ЕГУ) статью, написанную в связи с 70-летием со дня рождения А.З. Манфреда, высказал три замечания и содействовал ее публикации в одном из университетских изданий³⁴⁶.

³⁴⁴ **В.А. Парсамян.** Декабристы в Армении. Ереван. 1975. С. 31-32.

³⁴⁵ **А.З. Манфред.** Наполеон Бонапарт. М. 1971; *его же:* Три портрета эпохи Великой французской революции. Руссо, Мирабо, Робеспьер. М. 1978.

³⁴⁶ **В.А. Погосян.** Неустанный труженик науки (к 70-летию со дня рождения А.З. Манфреда) // Ереванский университет. 1976. № 3. С. 60-62 (на армянском яз.).

Впоследствии М.Г. Нерсисян, как и В.М. Далин, часто меня сильно упрекал за разбрасывание творческих сил, объясняя такое, и на самом деле достойное одного лишь осуждения поведение, моей молодостью. Однако, узнав, что я не только организовал перевод на армянский язык книги А.З. Манфреда «Три портрета эпохи Великой французской революции. Руссо, Мирабо, Робеспьер», но и собираюсь отредактировать текст перевода, отнесся к этому с одобрением³⁴⁷.

Что касается А.Р. Иоаннисяна, он был лаконичен, неоднократно повторяя в разговорах со мной начиная с 1974 г.: «Историк – это Абгар». Не помню такого, чтобы о ком-то из своих армянских коллег он отзывался бы подобным образом.

Справедливости ради необходимо отметить, что М.Г. Нерсисян с большим уважением отзывался и об академике В.М. Хвостове, с которым сотрудничал во второй половине 1940-х – начале 1950-х годов, во время подготовки к печати упомянутого сборника о геноциде армян. Он с удовольствием вспоминал о совместной работе с ним, в те годы начальником управления и членом Коллегии МИД СССР, о его положительном отзыве на первоначальный вариант этого сборника, написанном в 1947 г.³⁴⁸. К слову сказать, В.М. Хвостов приложил немало усилий для осуществления издания этой книги в начале 1950-х гг.³⁴⁹, однако, безуспешно: из-за коренного изменения обстановки на политическом горизонте, как уже отмечлось, она была опубликована лишь в 1966 г. Позднее, будучи ректором ЕГУ, он приглашал В.М. Хвостова в университет для участия в юбилейных торжественных мероприятиях³⁵⁰.

Обычно большинству историков присуща одна слабость. Почти каждый из них имеет склонность к преувеличению зна-

³⁴⁷ А.З. Манфред. Три портрета эпохи Великой французской революции. Руссо, Мирабо, Робеспьер. Ереван. 1988 (на армянском яз.).

³⁴⁸ Отзыв этот сохранился в личном архиве А.Р. Иоаннисяна. См.: НАА. Ф. 1169. Оп. 1. Д. 250. Л. 10. См. также: А.Р. Иоаннисян. Указ. соч. С. 155.

³⁴⁹ См. об этом: В.А. Погосян. К предыстории издания сборника документов и материалов «Геноцид армян в Османской империи».

³⁵⁰ См. об этом письма В.М. Хвостова М.Г. Нерсисяну от 26 сентября 1967 г. и 14 декабря 1970 г. (НАА. Ф. 818. Оп. 1. Д. 440. Л. 31, 32), в которых он выражал свою благодарность за внимание к себе.

чения изучаемых научных проблем или же особой значимости исторической эпохи, находящейся в центре его научных интересов. М.Г. Нерсисян, однако, был лишен подобной предвзятости. Интерес историка, изучавшего на протяжении десятилетий проблемы Новой истории армянского народа, не ослабевал к древней и средневековой истории. Такое отношение с его стороны к нашей науке было продиктовано непоколебимым и последовательным стремлением М.Г. Нерсисяна к достижению максимальных результатов в беспристрастной интерпретации исторического прошлого. По его мнению, которое я полностью разделяю, исследование истории древности и средневековья предоставляло историку намного больше возможности для более объективного служения своему «ремеслу».

Необходимо хотя бы вкратце упомянуть об основных вехах научно-организационной деятельности М.Г. Нерсисяна. Ему принадлежит инициатива создания в АН АрмССР сектора востоковедения (1958), руководителем которого он стал (на его основе в 1971 г. был образован Институт востоковедения), основания «ИФЖ» АН АрмССР (1958), ставшего камнем преткновения для множества отечественных и зарубежных исследователей. Как инициатор основания нового академического издания, в письме на имя секретаря ЦК КП АрмССР С.А. Товмасяна, являвшемся своего рода программным документом, он всесторонне обосновывая его необходимость,ставил перед собой такую, первостепенной научной важности задачу: публикация статей, изложенных и обработанных «на высоком научном уровне». Среди задач будущего «Журнала арменоведения» (первоначально он предлагал такое заглавие издания) М.Г. Нерсисян придавал особое значение «сплочению вокруг журнала всех сил арменоведов республики и всего Советского Союза..., а также передовых арменоведов зарубежных стран»³⁵¹.

Состоявший главным редактором журнала со дня его основания и до конца своих дней, М.Г. Нерсисян много сил приложил к редактированию этого академического издания, выходившего в годы советской власти четырьмя объемистыми

³⁵¹ Не датированное письмо М.Г. Нерсисяна, подписанное также В.А. Амбарцумяном и А.Р. Иоаннисяном, С.А. Товмасяну // Там же. Д. 63. Л. 9.

номерами в год. На протяжении десятилетий (я об этом могу судить на примере его деятельности как редактора в 1980-1990-х годах), он оставался верным своему намерению, со всей строгостью относясь к каждому намеченному к публикации материалу. В связи с этим пусть будет позволено ограничиться упоминанием одного обстоятельства, полностью вскрывающего его отношение как к журналу, так и к самой науке. Он как-то рассказал мне, что на заседании Президиума АН АрмССР, во время обсуждения его доклада о деятельности «ИФЖ», один из присутствовавших выступил с предложением о целесообразности издавать впредь журнал шестью номерами в год вместо четырех, чему он категорически воспротивился, исходя из интересов обеспечения его научного уровня³⁵².

Академик И.А. Орбели писал ему еще в 1960 г.: «Пользуясь предоставленным мне случаем, хочется пожелать, чтобы «Андэс» [«Журнал» – В.П.], который к сорокалетней годовщине Советской Армении пришел в качестве серьезнейшего академического журнала, развивал свои собственные традиции»³⁵³. Со всей ответственностью могу заявить, что до самой кончины он ни на шаг не отступил от этого завета И.А. Орбели.

Взяв на себя обязанности ректора ЕГУ в 1966 г., М.Г. Нерсисян буквально через год основал там солидный научный журнал по общественным наукам – «Вестник Ереванского университета» (1967), еще через год – научно-информационный журнал «Ереванский университет» (1968), выходившие трижды в год. Иначе говоря, представители различных поколений исследователей в Армении, испытывавших свои силы в области гуманитарных наук, реализацией своих творческих способностей в значительной степени обязаны ему. Он же стал основателем в ЕГУ факультета востоковедения (1968) и проблемной лаборатории арменоведческих исследований.

М.Г. Нерсисян долгие годы занимал высокие административные посты. Не вдаваясь в подробности, отметим лишь, что до

³⁵² О деятельности М.Г. Нерсисяна, как редактора см.: П.М. Мурадян. Основатель-редактор «Историко-филологического журнала» // ИФЖ. 1999. № 1. С. 62-66 (на армянском яз.).

³⁵³ Письмо И.А. Орбели М.Г. Нерсисяну от 28 июля 1960 г. // НАА. Ф. 818. Оп. 1. Д. 427. Л. 37.

назначения на должность ректора ЕГУ в 1966 г., в 1950-1960, 1965-1966 гг. он занимал пост вице-президента по общественным наукам, а в 1962-1965 гг. – академика-секретаря отделения истории АН АрмССР. Однако, его больше привлекала научная работа. Он неоднократно с досадой говорил, что должность ректора отнимала много времени и сил, во многом препятствуя проведению плодотворных научных исследований на желаемом уровне. Это обстоятельство и побудило его в 1977 г. отказаться от занимаемой высокой должности, сменив ее на «должность» заведующего сектором армяно-русских отношений в Институте истории АН АрмССР. В заявлении на имя Первого секретаря ЦК КП АрмССР К.С. Демирчяна он писал в конце 1976 г.: «С апреля 1966 г. занимаю должность ректора Ереванского государственного университета. Эта трудная обязанность повлияла на мое здоровье и лишила меня возможности заниматься моей специальностью. Прошу освободить меня от должности ректора университета. Желаю отныне заниматься научной работой в республиканской Академии Наук, где проработал около 25-и лет»³⁵⁴.

М.Г. Нерсисян, тем не менее, не был сугубо академическим научным сотрудником. Он был одновременно и видным общественным деятелем, как ректор ЕГУ неоднократно избирался депутатом Верховного Совета СССР VII-IX созывов (1966-1979), до этого был депутатом Верховного Совета АрмССР (1951-1955), а в 1966-1980 гг. – членом ЦК Компартии АрмССР.

М.Г. Нерсисян, несомненно, отличался высоким гражданским обликом. «Я так много изучал историю декабристов, – часто повторял он, – что думаю главным образом о положении народа». Ограничусь одним примером, свидетельствующим о его искренней озабоченности жизнью своего народа. После выхода из печати армянского перевода составленного (совместно с Р.Г. Саакяном) и отредактированного им сборника документов и материалов по истории геноцида армян, он писал директору издательства «Айастан» Д.М. Саркисяну: «Прошу Вашего указания о перечислении в фонд пострадавших от землетрясения полагаемого мне гонорара за армянское издание сборника

³⁵⁴ Письмо М.Г. Нерсисяна К.С. Демирчяну от 21 декабря 1976 г. // Там же. Д. 418. Л. 9.

"Геноцид армян в Османской империи"»³⁵⁵.

Но нам хотелось бы подчеркнуть, в особенности, его озабоченность дальнейшей судьбой своего народа накануне и после провозглашения независимости Армении. Как специалист по истории русско-армянских отношений и геноцида армян, он отлично осознавал, чем чревато для армянского народа ухудшение отношений с Россией. Страстный поборник углубления и развития дружественных с ней отношений, он приводил многочисленные примеры из исторического прошлого, ссылаясь при этом на созвучные мнения выдающихся представителей армянского освободительного движения и умственного труда XVIII-XIX столетий.

Учитывая многостороннюю деятельность М.Г. Нерсисяна, академик В.А. Амбарцумян в обращении к нему в связи с 85-летием со дня его рождения писал: «Все мы, зная Вашу любовь к истине и Вашу смелость, приводим сегодня Ваше имя как пример общественного деятеля и историка. На самом деле, в Армении невозможно быть хорошим историком, не будучи заметным общественным деятелем»³⁵⁶.

Природа наделила М.Г. Нерсисяна такими редкими чертами характера, как честность, непосредственность, прямота и правдивость в общении, которые проявлялись при каждом разговоре с ним. В беседах с кем бы то ни было он избегал эquivоков, что было ему совершенно чуждо, честно и прямо высказывая свое мнение.

К окружавшим М.Г. Нерсисяну был внимателен и заботлив, при необходимости оказывал им материальную поддержку. Он был всегда готов помочь молодым историкам своими советами, оказывавшимися весьма полезными для них, как главный редактор «ИФЖ» читал в рукописи их статьи, помогал в правильной ориентации при выбора научных тем.

Сразу же после кончины М.Г. Нерсисяна, последовавшей в январе 1999 г., я написал о нем: «Сегодня, когда заслуженный историк оставил нас совсем недавно, рано еще со всей глубиной

³⁵⁵ Письмо М.Г. Нерсисяна Д.М. Саркисяну от 7 августа 1991 г. // Там же. Д. 425. Л. 10.

³⁵⁶ Письмо В.А. Амбарцумяна М.Г. Нерсисяну от 12 ноября 1995 г. // Там же. Д. 431. Л. 14.

осознать значение большой утраты, что, однако, незамедлительно даст о себе знать»³⁵⁷. Прошедшие годы, увы, доказали правоту моего заключения.

В письме А.З. Манфреду, в августе 1976 г. В.М. Далин писал: «Если бы существовало звание "Народного историка СССР", и оно присуждалось бы по заслугам, ты бы был первым кандидатом на это звание — ты стал наиболее популярным и наиболее читаемым (может быть только еще Милица [Васильевна Нечкина]) из всех наших историков»³⁵⁸. Полностью разделяя мнение, высказанное моим учителем, позволю себя заявить, что в армянской действительности первым кандидатом на это звание (если, конечно, «оно присуждалось бы по заслугам») по указанной В.М. Далиным причине, несомненно, был бы М.Г. Нерсисян.

³⁵⁷ В.А. Погосян. Историк, организатор науки, гражданин // ИФЖ. 1999. № 1. С. 72 (на армянском яз.).

³⁵⁸ М.В. Далин. К истории создания «четвертого портрета» (из эпистолярного наследия Виктора Моисеевича Далина) // ФЕ — 2006. Наполеон и его время. К 100-летию А.З. Манфреда (1906-1976). М. 2006. С. 70.